

Макарова Полина Александровна

"ПОДЗЕМНЫЙ КЛАССИК": РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ж. БАРБЕ Д'ОРЕВИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Статья посвящена вопросу восприятия творчества Ж. Барбе д'ОревиИ в России, в частности, рассмотрению в хронологической перспективе, когда и в связи с чем русская литература и критика обращались к творчеству этого писателя. Проводимый в данной статье анализ охватывает разные этапы отечественной литературной критики: от критических эссе поэтов Серебряного века до современных исследований. Подобный подход позволяет составить наиболее целостное представление об особенностях рецепции отечественным литературоведением произведений этого французского писателя XIX века, а также поставить вопрос о крайней актуальности изучения творчества Ж. Барбе д'ОревиИ в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 37-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Ларионова Н. П. Тема предательства в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2011. № 2. С. 68-72.
6. Лепахин В. В. Икона в русской литературе XIX века // Слово. Ру: Балтийский акцент. Калининград, 2010. № 1-2. С. 147-174.
7. Лепахин В. В. Функции иконы [Электронный ресурс] // Слово: образовательный портал. URL: http://www.portal-slovo.ru/art/35905.php?ELEMENT_ID=35905&PAGEN_1=2 (дата обращения: 16.03.2016).
8. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Худ. лит., 1965. Т. 13. 815 с.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Худ. лит., 1965. Т. 17. 622 с.

**ORTHODOX ICON IN THE CONTEXT
OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE GOLOVLYOV FAMILY"**

Larionova Natal'ya Petrovna

*Kursk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
larionovanatula@mail.ru*

The article discusses the symbolism of the Orthodox icon in the context of M. Ye. Saltykov-Shchedrin's novel "The Golovlyov Family" and its function for the characterization and interpretation of the images of the main characters of the work. According to the research the author concludes that the excessive financial attitude of the character to the Holy Image enables to determine the degree of its spiritual and moral alienation from the true Orthodox values: Love, Forgiveness, Compassion and Repentance.

Key words and phrases: Orthodox icon; Golovlyovs; light; conscience; moral impoverishment; Saltykov-Shchedrin.

УДК 821.133.1+82-95

Статья посвящена вопросу восприятия творчества Ж. Барбе д'Оревиий в России, в частности, рассмотрению в хронологической перспективе, когда и в связи с чем русская литература и критика обращались к творчеству этого писателя. Проводимый в данной статье анализ охватывает разные этапы отечественной литературной критики: от критических эссе поэтов Серебряного века до современных исследований. Подобный подход позволяет составить наиболее целостное представление об особенностях рецепции отечественным литературоведением произведений этого французского писателя XIX века, а также поставить вопрос о крайней актуальности изучения творчества Ж. Барбе д'Оревиий в России.

Ключевые слова и фразы: литературная критика; литературоведение; рецепция; дендизм; романтизм; декаданс; исторический роман.

Макарова Полина Александровна, к. филол. н.

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
polina.makarova89@gmail.com*

**«ПОДЗЕМНЫЙ КЛАССИК»: РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА
Ж. БАРБЕ Д'ОРЕВИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ**

«Как герцог Гиз – мертвый вы будете казаться больше, чем живой».

А. де Ламартин о Ж. Барбе д'Оревиий

Имя Ж. Барбе д'Оревиий (1808-1889 гг.) можно встретить в любой французской антологии литературы XIX века, практически в каждом учебном издании, посвященном этому периоду французской литературы. Этот французский поэт, прозаик и литературный критик традиционно относится к поздним романтикам (см.: [25; 29; 35]). Тем не менее, его творчество, особенно поздний период, оказало немалое влияние на представителей таких литературных направлений, как декаданс и символизм: многие из этих поэтов и писателей (Ш. Бодлер, Гюисманс, Жан Лоррен (см.: [31; 33, р. 105-109; 34; 37])) считали Барбе д'Оревиий своим предшественником. Будучи не признанным современниками, поскольку он постоянно находился в оппозиции существующим порядкам и взглядам, чудаковатый, всегда старомодно одетый, Барбе д'Оревиий не только выражал «непопулярные» для своего времени идеи, но и постоянно нападал на современных ему писателей в едких, порой крайне резких критических статьях. Тем не менее, после смерти «коннетабля французской словесности» его творчество обрело признание на родине. В настоящее время ежегодно во Франции выходят критические статьи и монографии о различных аспектах творчества писателя, публикуются биографии, снабженные новыми сведениями о его жизни, проводятся конференции и коллоквиумы¹. Однако в России творчество Барбе д'Оревиий до сих пор не только остается неизвестным широкому читателю, но и не привлекает внимание литературоведов. Цель настоящей статьи – попытаться прояснить, в чем причина подобной непопулярности в России нормандского Вальтера Скотта (см.: [27]), а также рассмотреть, когда и в связи с чем русская литература и критика обращались к творчеству Барбе д'Оревиий.

¹ В частности, «Châteaux et demeures dans la vie et l'oeuvre de Barbey d'Aurevilly» («Замки и дома в жизни и творчестве Барбе д'Оревиий»; 22.02.2015) [28], «Barbey d'Aurevilly, bilan critique» («Барбе д'Оревиий, критический анализ»; 25.08 – 01.09.2014) [26], «Jules Barbey d'Aurevilly et Maurice de Guérin, une poétique dionysiaque» («Барбе д'Оревиий и Морис де Герен, дионисийская поэтика»; 10.10.2013) [32].

При жизни Барбе д'Оревиий его произведения не переводились на русский язык и не издавались в России. Впервые к творчеству писателя обращаются лишь в начале XX века: в 1908 году выходит сборник его рассказов в переводе А. Чеботаревской под названием «Лики дьявола» (см.: [9]). В книгу вошли три произведения из цикла «Les Diaboliques» («Дьявольские лики», 1874 г.): «Изнанка одной партии в вист» (*Le Dessous de cartes d'une partie de whist*, 1850), «Месть женщины» (*La Vengeance d'une femme*, 1874) и «Счастье в преступлении» (*Le Bonheur dans le crime*, 1871). В конце издания была помещена составленная М. Волошиным подборка высказываний «Мнения современников о Жюле Барбэ д'Оревилии» с примыкающей к ней библиографией («Книги Барбэ д'Оревилии»). Упоминание об этом сборнике содержится в выпуске журнала «Весы» за 1908 год в разделе «Новые книги, доставленные в редакцию» (см.: [15, с. 71]). Однако наибольший для нас интерес представляют статьи М. Волошина, которые предварили данное издание: «Жизнь Жюля Барбэ д'Оревилии» и «Личность и творчество Барбэ д'Оревилии»¹.

М. Волошин в своих статьях очерчивает не только простую жизненный путь Барбе д'Оревиий, но и останавливается на личности писателя: «Он отказывался признать XIX век и судил его прозорливо, надменно, гневно и несправедливо» [Там же, с. 21]. Тем не менее, критик отмечает и несправедливое безразличие современников к творчеству романиста: «Из всех уединенных умов он остается, быть может, наименее оцененным <...> очень мало таких, которые читали бы что-нибудь иное из его произведений, кроме “Les Diaboliques”» [Там же, с. 22]. Нужно отметить обращение М. Волошина к разным аспектам творчества Барбе д'Оревиий. Он касается и эссе «О дендизме и Дж. Браммеле» (*Du Dandysme et de G. Brummell*, 1861), наиболее известного в России сочинения Барбе д'Оревиий, наряду с «Les Diaboliques». По мнению Волошина, это «парадоксальная и дерзкая книга» [Там же, с. 27]. Автор статьи отмечает, что индивидуализм Барбе д'Оревиий, противопоставление себя существующему общественному строю воспринимались современниками писателя как «дендизм»: «Элегантная дерзость и презрение к общественному мнению – вот что больше всего чарует его (*Барбе д'Оревиий – П. М.*) в дендизме» [Там же]. Надо сказать, что подобное поверхностное восприятие «дендизма» Барбе д'Оревиий будет свойственно и советскому литературоведению². М. Волошин касается и исторических романов французского писателя («Шевалье де Туш» (*Chevalier Des Touches*, 1864) и «Околдованная» (*L'ensorcelée*, 1855)): «<...> героический эпизод Шуанского мятежа, в котором он (*Барбе д'Оревиий – П. М.*) достигает полного мастерства разработки драматических положений» [Там же, с. 16]. Особо следует отметить тот факт, что автор статьи рассматривает Барбе д'Оревиий не только как писателя, но и как литературного критика. Это особенно важно, поскольку в дальнейшем в большинстве энциклопедических и словарных статей отечественного литературоведения данный аспект литературной деятельности Барбе д'Оревиий опускается, в то время как он является важной составляющей для понимания личности писателя и его творчества. М. Волошин называет сборник критических статей Барбе д'Оревиий («Произведения и люди» (*Les Œuvres et les Hommes*, 1860-1909)) «страшным судом над современностью», «страшным и несправедливым судом над людьми и произведениями XIX века»; «<...> он (*Барбе д'Оревиий – П. М.*) ведет, как всегда, несправедливые и великолепные кампании против парнасцев, хлещет Золя и Валлеса» [Там же, с. 15, 16, 23]. В приведенных выше высказываниях М. Волошин неоднократно указывает на несправедливость, необоснованность критических суждений Барбе д'Оревиий о своих современниках и предшественниках. Стоит отметить, что во французском литературоведении об этой характерной, по мнению М. Волошина, черте творчества Барбе д'Оревиий-критика упоминаний нет [25; 36]. В заключении к своей статье М. Волошин размышляет о причинах непопулярности творчества Барбе д'Оревиий среди современников писателя: «Барбэ д'Оревилии не рискует стать писателем популярным, так как, чтобы полюбить его, надо дойти до той степени сознания, когда начинаешь любить человека лишь за непримиримость противоречий, в нем сочетавшихся, за широту размахов маятника, за величавую отдаленность морозных полюсов его души. Вся красота Барбэ в том, что он не боялся своих противоречий <...>» [9, с. 29]. Автор статьи делает следующий вывод: «Несмотря на совершенство и необычайность своих произведений, несмотря на импонирующую красоту своей личности и своей литературной роли, Барбэ д'Оревилии навсегда останется лишь *подземным классиком*, лишь напрасным фейерверком ума, страсти и вдохновения» [Там же, с. 32]. Выражение «подземный классик» М. Волошин, возможно, позаимствовал у Реми де Гурмона, который в своем очерке «Жизнь Барбе д'Оревилии» писал: «Вероятно... он (*Барбе д'Оревиий – П. М.*) надолго останется одним из <...> *глубинных (курсив наш – П. М.)* (souterrains) классиков, которые определяют подлинную жизнь французской литературы» (*здесь и далее перевод наш – П. М.*) [30, с. 258]. Как бы то ни было, Барбе д'Оревиий действительно является для французской литературы скорее «подземным» классиком, незаметным на первый взгляд, однако оказавшим значительное влияние на литературу Франции своего времени.

Незадолго до первой публикации произведений Барбе д'Оревиий, в 1905 году в энциклопедии Брокгауза и Ефрона выходит другая статья о творчестве французского писателя, на этот раз написанная известным поэтом-символистом В. Я. Брюсовым [14]. В Брюсов также высоко оценивает творчество Барбе д'Оревиий, обращая внимание на зачастую поверхностное восприятие творчества писателя: «Глубокая ирония Б. д'Оревилии, его насмешка над всем обиходом современной жизни не была понята, но его проповедь “дендизма”, изящной,

¹ С незначительными изменениями данные статьи позднее были включены в сборник М. Волошина «Лики творчества» [16, с. 34-53].

² Так, например, в Большой советской энциклопедии лишь отмечается, что в эссе Барбе д'Оревиий «идеализирован светский фат» [13, с. 625]; «История французской литературы» же определяет идею дендизма «как бравирование бесполезностью своего существования» [18, с. 332].

изысканной внешности, понравилась многим и нашла обширный круг поклонников. Эта книга так и осталась, может быть, наиболее известным сочинением Б. д'Ореви́ли, хотя она далеко уступает, по силе мысли и оригинальности изложения, его лучшим романам и критическим статьям» [Там же, с. 669]. Роман «Шевалье де Туш», по мнению автора статьи, заслуживает имени классического, а в «Женатом священнике» (*Un prêtre marié*, 1865) «его мастерство художника достигает высшего развития» [Там же, с. 670]. В истории литературы XIX века Б. д'Ореви́ли стоит как отщепенец, не примкнувший ни к какой школе: он был и остался «сам по себе». Его стиль В. Брюсов определяет как «<...> спокойный, ясный, трезвый, но в то же время поразительно своеобразный и неодолимо сильный <...>» [Там же]. Однако поэт замечает, что окончательный приговор критика творчеству Барбе д'Ореви́ли пока так и не вынесла: «он труден уже потому, что до сих пор многие его книги представляют библиографическую редкость» [Там же]. Проблема, о которой говорил Брюсов в 1905 г., в России остается актуальной и в наши дни: многие произведения Барбе д'Ореви́ли до сих пор не переведены на русский язык¹.

В 1912 г. выходит в свет первое на русском языке издание эссе Барбе д'Ореви́ли «О дендизме и Дж. Браммеле» с предисловием поэта Серебряного века М. Кузмина. Автор предисловия, как и его предшественники, задается вопросом об истоках несправедливого забвения творчества Барбе д'Ореви́ли. По мнению М. Кузмина, причиной этого стало промежуточное, переходное положение писателя в литературе того времени: «Барбе д'Ореви́ли занимал видное место в переходной от романтизма (но в прозе, кроме жестокостей В. Гюго и Е. Сю, не более ли классического, нежели это принято думать?) к натурализму и снова романтическому декадентству и символизму. Этим переходным положением объясняется недостаточное признание этой самой по себе противоречивой, причудливой, вызывающей и обаятельной фигуры» [6, с. IV-V]. Хотелось бы отдельно отметить верное замечание М. Кузмина о характерных чертах романтизма в прозе Барбе д'Ореви́ли, а также о наличии в его исторических романах схожих мотивов с произведениями Э. Сю (напр., «Жан Кавалье, или Фанатики Севенн») и В. Гюго («Ган Исландец») (подробнее об этом см.: [20, с. 135-176]). Интересно утверждение о близости автора эссе о дендизме к натурализму, в то время как сам Барбе д'Ореви́ли всю свою жизнь яростно выступал против натуралистического подхода к действительности и громил Э. Золя в своих критических очерках. Последний, следует заметить, отвечал взаимностью, опубликовав в 1907 г. статью «Истерический католик» (*Le Catholique hystérique*, 1907), где раскритиковал роман Барбе д'Ореви́ли «Женатый священник».

В 1913 г. публикуется литературный сборник «Сатанизм», в который наряду с произведениями В. Брюсова, Ф. Сологуба, Н. Гумилева, Ш. Бодлера и др. входит рассказ Барбе д'Ореви́ли «Изнанка партии в вист» [10]. В издании содержится также очерк литературного критика, прозаика и поэта Н. Абрамовича «Художники сатанизма». Н. Абрамович ставит Барбе д'Ореви́ли в один ряд с Ф. М. Достоевским, Ш. Бодлером, Гюисмансом: все они, по мнению автора очерка, «<...> останавливали свое художественное внимание на безличной стихийной силе сладострастия в ее жизнеубивающих, отвратительных проявлениях» [1, с. 113]. Н. Абрамович, как и М. Кузмин, указывает на наличие в произведениях Барбе д'Ореви́ли принципов ненавистного писателю натурализма: на страницах его сочинений предстают те же объективные «документы жизни», что и у Золя [Там же, с. 123].

Начало XX века было периодом наибольшего интереса русской литературной критики к творчеству Барбе д'Ореви́ли. В отличие от последующего – советского – периода, писатели и поэты Серебряного века стремились охватить в своих статьях все аспекты творчества писателя, рассмотреть его с разных сторон, найти причину недооцененности Барбе д'Ореви́ли его современниками. Уже благодаря этим немногочисленным очеркам вырисовывается неоднородность, противоречивость личности французского писателя: его относят то к поздним романтикам, то к натуралистам, то называют предшественником декаданса и символизма, а то и вовсе определяют его положение как «промежуточное». Трудно сказать, какая из точек зрения верна, поскольку все они могут быть подкреплены тем или иным периодом творчества Барбе д'Ореви́ли.

В литературе 20-30-х годов встречается несколько упоминаний о Барбе д'Ореви́ли, в частности, в поэме А. Белого «Первое свидание» (1921 г.):

Молилась на Четьи-Минеи,
Переводила де Виньи;
Ее пленяли Пиренеи,
Кармен, Барбье д'Ореви́ли,
Цветы и тюлевые шали [11, с. 456]...
(*Курсив наш – П. М.*)

Отсылает к французскому писателю и О. Мандельштам в одном из своих шуточных стихов, посвященных Вермелю («Эпиграмма в терцинах», 1931 г.). Барбе д'Ореви́ли здесь упоминается прежде всего как один из теоретиков «дэндизма»:

Есть на Большой Никитской некий дом –
Зоологическая камарилья,
К которой сопричастен был Вермель.

¹ В настоящее время на русском языке вышло два издания эссе «О дендизме и Джордже Браммеле» [4; 7], несколько изданий сборника повестей «Les Diaboliques» [3; 8; 9], а также издание исторических романов писателя, опубликованное сравнительно недавно [5]. Из многочисленных критических очерков Барбе д'Ореви́ли на русский язык переведена лишь его статья о Н. В. Гоголе [6].

Он ученик *Барбея д'Оревилли*.
 И этот сноб, прославленный *Барбей*,
 Запечатлелся в Вермелевом скарбе
 И причинил ему немало он скорбей.
 Кто может знать, как одевался *Барбий*?
 Ведь англичанина не спросит внук.
 Как говорилось: «дерби» или «дарби»...

А Вермель влез в *Барбеевый* сюртук [22, с. 357].
 (*Курсив наш – П. М.*)

Советское литературоведение никогда всерьез не изучало творчество Барбе д'Ореви́и, практически все сводилось к нелестным оценкам, подразумевающим, что писатель мало достоин внимания: «феодално-аристократический мир, который Барбе д'Ореви́и считал своей родиной, давно перестал существовать, давно истлел, и вот художник занимается раскапыванием старых могил, гальванизирует разложившиеся трупы. Именно такова атмосфера всех романов Барбе д'Ореви́и. Их лживость и ходульность невероятны, их вздорность поразительна <...> эпигон утратил секрет живого искусства, его произведения похожи на жуткий театр восковых фигур» [2, стб. 341]. В «Истории всемирной литературы» (том 7) Барбе д'Ореви́и представлен как «воинствующий католик и легитимист», «религиозный фанатик», который в своих произведениях «декларирует свою веру в сатану» и тем самым движется к декадентству [17, с. 313]. «История французской литературы» отмечает, что «реакционность замысла, стремление идеализировать исторически обреченных героев сказывались в романах и рассказах Б. д'Ореви́и и снижали их эстетическую ценность» [18, с. 328]. Анализ самих произведений писателя в большинстве своем отсутствует, при этом содержание романов подчас искажается, дабы лучше соответствовать высказываемой точке зрения, деятельность Барбе д'Ореви́и-критика и вовсе не освещается. Практически все литературоведческие статьи этого периода рассматривают творчество писателя весьма однобоко, с большим перекосом: «общее место» всех критических очерков — Барбе д'Ореви́и-реакционер, выступающий против принципов реализма с его трезвым проникновением в объективные законы социальной действительности (см.: [19, стб. 448-449]). В действительности же Барбе д'Ореви́и был слишком полемичен, многогранен, разносторонен для подобного анализа и, следовательно, не вписывался в строгие рамки советской критики.

В постсоветском литературоведении ситуация несколько улучшилась: была опубликована статья Т. В. Соколовой «Загадка Барбе д'Ореви́и» (1993) [24], несколько статей справочного характера. Исследователи вновь обращаются ко всему многообразию творчества писателя, стараясь рассмотреть его с разных сторон. Так, Т. В. Соколова не только очерчивает в своей статье жизненный путь Барбе д'Ореви́и, но и подробно останавливается на его исторических романах «Шевалье де Туш» и «Одержимая» (прежде они часто вовсе оставались без внимания), размышляя над подходом Барбе д'Ореви́и к истории, его принципами воссоздания местного колорита в своих произведениях, а также анализирует несколько повестей из цикла «Les Diaboliques». Важно оговорить, что современные исследователи подмечают новые мотивы в произведениях писателя, важные для понимания его творчества. Например, в посвященной Барбе д'Ореви́и статье Большой российской энциклопедии (2005) верно подмечается наличие фантастического элемента в его романах¹: «В романах “Женатый священник” и “Зачарованная” ощущается влияние исторических романов В. Скотта и метафизики Ж. Де Местра; социальный критицизм сочетается с романтической фантастикой» [12, с. 37].

В 2015 году вышло несколько работ по литературе второй половины XIX века, вскользь затрагивающих творчество Барбе д'Ореви́и [21; 23]. Анализ произведений писателя в них внимания не уделяется, приводимые сведения представляют собой чаще всего пересказ справочной литературы советского периода. В статье М. В. Максимовой Барбе д'Ореви́и упоминается среди писателей декаданса, его связь с поздним романтизмом не оговаривается. М. С. Рыбина, напротив, отмечает влияние «френтического романтизма» на творчество писателя: «Готический сценарий определяет поэтику многих произведений автора» [23, с. 1365].

Приведенные выше наблюдения позволяют говорить о непостоянном и поверхностном интересе русской литературной критики к творчеству Барбе д'Ореви́и. В существующих критических статьях оценки исследователей зачастую не только неоднозначны и бездоказательны, но и противоречивы: в частности, нет единства среди литературоведов касательно того, к какому литературному периоду и направлению следует отнести творчество писателя.

На волне интереса к дендизму Барбе д'Ореви́и привлек внимание поэтов Серебряного века. Их особенно увлекало наличие демонического, мистического начала в его произведениях, интерес писателя к эстетике безобразного, близость его поздних произведений к явлению декаданса. Однако в критических статьях этого периода (как, в принципе, и последующего) совсем не освещаются исторические романы Барбе д'Ореви́и, в то время как во Франции писателя называют «нормандским Вальтером Скоттом». В советский период интерес к творчеству Барбе д'Ореви́и и вовсе сходит на «нет»: отстаивание писателем романтической эстетики и неприятие им реализма воспринимается советской литературной критикой негативно. Не способствует популярности писателя в этот период и его интерес к теме зла в человеке, проявлению дьявольского начала под маской обыденности, уход от изображения современности в своих романах. Барбе д'Ореви́и считается мало достойным внимания читателя.

¹ О присутствии фантастического в романах Барбе д'Ореви́и см. также: [20, с. 165-180].

Противоречивость в оценках творчества Барбе д'Ореви́и отечественными исследователями проявляется вплоть до написания имени писателя на русском языке: до сих пор нет единого варианта, всего же в критических статьях нами было встречено не менее четырех вариантов транслитерации¹.

Проблема неочеченности творчества Барбе д'Ореви́и, односторонности его анализа остается актуальной в русском литературоведении и в настоящее время. Бесспорно влияние Барбе д'Ореви́и на французскую литературу второй половины – конца XIX века, а также на французскую литературную критику этого периода. Все это требует от отечественного литературоведения серьезного анализа творчества писателя. Еще одна из важных стоящих перед исследователями задач – открыть широкому читателю в России произведения этого неоднозначного, но, безусловно, классика французской литературы.

В заключение стоит отметить, что отношения Барбе д'Ореви́и и России не ограничиваются интересом русской литературной критики к личности писателя: в своих критических очерках Барбе д'Ореви́и касается и русской литературы. В 1859 году он пишет статью «Николай Гоголь» о романе «Мертвые души», содержащую весьма своеобразную оценку этого произведения. Статья, однако, может быть интересна в контексте анализа восприятия России французским писателем, «не подготовленным» – а Барбе д'Ореви́и таковым и являлся – читателем русской литературы. Однако фигура Барбе д'Ореви́и-критика, а также особенность его восприятия русской литературы – предмет другого разговора и заслуживает отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. **Абрамович Н.** Художники сатанизма // Сатанизм: сатанизм. М.: Заря, 1913. С. 113-130.
2. **Анисимов И.** Барбэ Д'Ореви́ли // Литературная энциклопедия: в 11-ти т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 1. 768 стб.
3. **Барбе д'Ореви́и Ж.** Дьявольские повести / пер. Ю. Б. Корнеева. СПб.: Лениздат, 1993. 509 с.
4. **Барбе д'Ореви́ли Ж.** Дендизм и Джордж Браммель: эссе. М.: Независимая газета, 2000. 208 с.
5. **Барбе д'Ореви́ли Ж.** Имени нет: избранные произведения. М.: Энигма, 2006. 624 с.
6. **Барбе д'Ореви́ли Ж.** Николай Гоголь / примеч. М. П. Алексеева // Н. В. Гоголь: материалы и исследования. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 257-281.
7. **Барбэ д'Ореви́ли Ж.** Дэндизм и Джордж Брэммель / пер. М. Петровского; вступит. ст. М. Кузмина. М.: Альциона, 1912. VI+114 с.
8. **Барбэ д'Ореви́ли Ж.** Дьявольские маски: рассказы / пер. с фр. А. Мирэ. М.: «Польза» В; Антик и К°, 1909. 84 с.
9. **Барбэ д'Ореви́ли Ж.** Лики дьявола / пер. А. Чеботаревской; вступит. ст. М. Волошина. СПб.: Пантеон, 1908. 216+8 с.
10. **Барбэ д'Ореви́ли Ж.** Изнанка партии в вист // Сатанизм: сборник. М.: Заря, 1913. С. 45-52.
11. **Бельй А.** Собрание сочинений: стихотворения и поэмы / сост., предисл. В. М. Пискунова; коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М.: Республика, 1994. 559 с.
12. **Большая российская энциклопедия:** в 30-ти т. М., 2005. Т. 3. 766 с.
13. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. 1970. Т. 2. 632 с.
14. **Брюсов В.** Барбей д'Ореви́ли // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон: в 12-ти т. Биографии. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. Аазень-Бейеръ. С. 669-670.
15. **Весы.** 1908. № 12.
16. **Волошин М.** Лики творчества. Л.: Наука, 1988. 848 с.
17. **История всемирной литературы:** в 8-ми т. М.: Наука, 1991. Т. 7. 832 с.
18. **История французской литературы:** в 4-х т. М., 1959. Т. 3. 582 с.
19. **Краткая литературная энциклопедия:** в 9-ти т. М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 1. 1088 стб.
20. **Макарова П. А.** Французский исторический роман 1840-1850-х гг. и становление популярной беллетристики (Э. Сю, А. Дюма, Ж. Барбе д'Ореви́и): дисс. ... к. филол. н. М., 2014. 197 с.
21. **Максимова М. В.** «Проклятые умы» конца XIX века // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2015. № 1. С. 101-106.
22. **Мандельштам О. Э.** Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 537 с.
23. **Рыбина М. С.** Готический контекст разговора о Достоевском в романе М. Пруста «Пленница» // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1363-1367.
24. **Соколова Т. В.** Загадка Жюль Барбе д'Ореви́ли // Жюль Барбе д'Ореви́и. Дьявольские повести / пер. Ю. Б. Корнеева. СПб.: Лениздат, 1993. 509 с.
25. **Avrane P.** Barbey d'Aureville, solitaire et singulier. P.: Campagne Première, 2005. 157 p.
26. **Barbey d'Aureville, bilan critique** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccic-cerisy.asso.fr/barbey14.html> (дата обращения: 29.03.2016).
27. **Bordeaux H.** Barbey d'Aureville: le Walter Scott normand. Plon, 1925. 220 p.
28. **Châteaux et demeures dans la vie et l'oeuvre de Barbey d'Aureville** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.societejbarbey.fr/activités-de-la-société/> (дата обращения: 29.03.2016).
29. **Glaudes P.** Esthétique de Barbey d'Aureville. Paris: Classiques Garnier; Études romantiques et dix-neuviémistes, 2009. 196 p.
30. **Gourmont R. de.** La vie de Barbey d'Aureville // Gourmont R. Promenades littéraires: in-18. Paris, 1904. Т. 1. P. 258-288.
31. **Huysmans J.-K.** Préface (1903) // À rebours. Georges Crès, 1922. 290 p.
32. **Jules Barbey d'Aureville et Maurice de Guérin, une poétique dionysiaque** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.barbey-daureville.com/category/agenda/> (дата обращения: 29.03.2016).
33. **L'Artiste.** 1857. 18 octobre. Т. II.
34. **L'Écho de la semaine.** 1889. 5 mai.
35. **Lécureur M.** Jules Barbey d'Aureville: Le Sagittaire. Fayard, 2008. 535 p.
36. **Littérature. XIX^e. Textes et documents.** P.: Nathan, 1991. 791 p.
37. **Petit J.** Baudelaire et Barbey d'Aureville // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1967. № 2. Baudelaire. Avril-Juin. P. 286-295.

¹ В данной статье используется вариант транслитерации, более близкий к французскому звучанию (Барбе д'Ореви́и), следуя постепенно укрепляющейся в русском литературоведении традиции большего приближения произношения к оригиналу.

"THE UNDERGROUND CLASSIC": RECEPTION OF J. BARBEY D'AUREVILLY'S CREATIVITY IN THE RUSSIAN LITERARY CRITICISM

Makarova Polina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
polina.makarova89@gmail.com

The article focuses on the perception of J. Barbey D'aurevilly's creativity in Russia, in particular, it is examined in the chronological perspective when and for what reason the Russian literature and criticism referred to this writer's creativity. The analysis conducted in this article covers the different stages of the Russian literary criticism: from critical essays of the poets of the Silver Age to modern research. This approach enables the author to create the most complete representation of the peculiarities of the reception of the works of this French writer of the XIX century by the domestic literary criticism, and also to raise the question of the utter relevance of the study of J. Barbey D'aurevilly's creativity in Russia.

Key words and phrases: literary criticism; study of literature; reception; dandyism; romanticism; decadence; historical novel.

УДК 82

В статье исследуется процесс создания постмодернистской мифопоэтической картины мира в романе-антиутопии Т. Толстой «Кысь». Автор благодаря своей внутренней духовной принадлежности к русскому фольклору создает собственную мифологию, основанную на сатирическом осмыслении актуальных проблем общества и гротескной трактовке мифологических сюжетов и образов.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; миф; мифопоэтика; символ; метафора; образ.

Мачавариани Нана Валериановна

Пятигорский государственный лингвистический университет
nanatachav@yahoo.com

МИФ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ АНТИУТОПИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Одной из наиболее характерных жанровых разновидностей постмодернистского художественного нарратива является миф. Использование мифологических сюжетов и образов, спонтанное воспроизведение и конструирование мифа, создание многочисленных вариаций и стилизаций на мифологические темы, соседство мифологического и натуралистически-бытового пласта изображения являются специфическими свойствами мифологизма периода постмодерна, который заключается «не только и не столько в обнажении измелчания и уродливости современного мира... сколько в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [5].

Татьяна Толстая, представительница так называемого «советского барокко», отличается специфическим отношением к мифам и уделяет им особое значение в своем творчестве, моделируя художественный мир в соответствии с неомифологической литературной традицией конца XX века. Уже в самых первых исследованиях творчества Т. Толстой говорится о двух характерных особенностях ее прозы – философичности и мифологичности. Принцип, которого писательница придерживается при написании своих произведений, исследователи литературы называют «мифологизмом Толстой». По их мнению, использование автобиографического, исторического, философского и культурного материала для создания собственной мифопоэтической картины мира является частью философского мировосприятия Т. Толстой.

Первый роман писательницы, вышедший в 2001 году, имеет мифологизированное название – «Кысь» – и отсылает к славянскому языческому эпосу. Исследователи литературы много пишут о нем. Некоторые понимают под «Взрывом» революцию, уничтожившую старую русскую культуру, и усматривают в этом политическую подоплеку. Другие видят в романе постапокалиптическую картину мира. Тем более что Толстая начала писать роман вскоре после Чернобыльской катастрофы, а закончила его в год, когда случился теракт в Америке.

Как считает сама Толстая, «это очень поверхностный взгляд на вещи» [8]. Скорее всего, роман является отображением нигилистических настроений в среде оппозиционно настроенной интеллигенции.

По мнению лауреата нескольких литературных премий Б. Парамонова, «это книга о России. Татьяна Толстая создала самую настоящую модель русской истории и культуры. Работающую модель... Толстая придумала для своей России фауну и флору, историю, географию, границы и соседей, нравы и обычаи населения, песни, пляски, игры. Она создала мир» [6].

Мифологизм Толстой следует рассматривать в нескольких аспектах. Первый из них – индивидуальное мифотворчество, позволяющее давать собственное объяснение событиям. У писательницы обнаруживается сходное с Е. Замятиным («Мы», 1920 г.), М. Булгаковым («Собачье сердце», 1925 г.), А. Платоновым («Чевенгур», 1926-1928 гг.), с В. Набоковым («Приглашение на казнь», 1934 г.) стремление к выражению собственного мировидения. Но, в отличие от писателей предшествующей модернистской эпохи, Толстая занимается мифотворчеством в совершенно иной литературной, культурной и общественной ситуации. Она